

в которой к их услугам, помимо государств, прибегают и бизнес-структуры, и международные организации. Более того, ЧВОК стали неотъемлемой частью гуманитарных миссий в зонах вооруженных конфликтов и стихийных бедствий¹.

Несмотря на такую высокую востребованность ЧВОК, до сих пор нет международного правового договора, регулирующего деятельность таких компаний. Кроме того, в научном сообществе все еще не сложилось единое понимание «феномена» ЧВОК. Понятие «сотрудник ЧВОК» часто смешивается с понятием «наемник». Часть экспертов считают, что ЧВОК, по сути, являются наемниками XXI в., в то время как другие оспаривают эту точку зрения, говоря об уникальной природе ЧВОК². Вопрос определения международного правового статуса³ ЧВОК сегодня является одним из главных вызовов международного гуманитарного права, ответив на который, удастся определить границы ответственности сотрудников таких компаний и их руководства.

В связи с изложенным выше в последние годы сложилось несколько подходов и тенденций к пониманию международно-правового регулирования деятельности ЧВОК и решения проблематики ЧВОК. Однако, прежде чем перейти непосредственно к их рассмотрению, необходимо понять, что представляет собой сформировавшаяся индустрия ЧВОК.

Военные услуги оказываются с древнейших времен: помимо традиционных наемников, значимость для своего времени которых описана Ксенофонтом⁴ и Томасом Мором⁵, это были и небоевые части — маркитанты и маркитантки, кузнецы, врачи и люди других профессий, без которых не обходилась армия в повседневной

¹ Klein N. How power profits from disaster URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jul/06/naomi-klein-how-power-profits-from-disaster> (дата обращения: 23.03.2022).

² Коновалов И.П. Солдаты удачи и воины корпораций. История современного наемничества. Пушкино, 2015. С. 63.

³ Камерон Л. Частные военные компании: их статус по международному гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности // Междунар. журн. Красного Креста. Т. 88. № 863. Сентябрь 2006 г.; Метелина О.В. Вопрос статуса частных военных и охранных компаний. Документ Монтрё // Вестн. Чуваш. ун-та. 2012. № 1.

⁴ Ксенофонт. Анабасис / пер., ст. и примеч. М.И. Максимовой; под ред. И.И. Толстого. М.; Л., 1951.

⁵ Сайфуллин Э.К. Государство и право в «Утопии» Томаса Мора: опережая века! // Право, общество, государство: проблемы теории и истории: сб. материалов междунар. студенч. науч. конф. Юрид. ин-т. РУДН. М., 2018. С. 235—237.

жизни. По сути, людей именно этих профессий, а не наемников сегодня заменили ЧВОК. Несмотря на то что первые ЧВОК стали появляться еще в 60-е гг. XX в., интенсивный рост этой индустрии пришелся на 90-е гг. XX в. Эксперты выделяют три основных события на международной политической арене, ставших катализаторами роста индустрии частных военных услуг: развал Организации Варшавского договора, конец режима апартеида в ЮАР и война в Ираке¹.

ЧВОК сегодня — это гигантский транснациональный бизнес, в котором задействовано свыше 700 компаний, годовой оборот которых, лишь по приблизительным подсчетам, составляет несколько сот миллиардов долларов². «Частники» взяли на себя практически все небоевые стороны войны. Существует множество классификаций ЧВОК, основанных на видах оказываемых услуг: охранные, консалтинговые, логистические и т. д., однако все они довольно условны, так как из-за высокой конкуренции компании быстро перепрофилируются и редко оказывают исключительно одни виды военных услуг.

Как экономические субъекты ЧВОК являются компаниями, учрежденными и организованными в соответствии с нормами корпоративного права. А это означает, что ЧВОК могут открыто принимать участие в экономических сделках и проведении торгов по государственным контрактам. Существующие частные военные и охранные компании различаются по размеру, рыночной капитализации, количеству сотрудников, установленной системе корпоративных взаимоотношений, а также своим расположением с точки зрения юрисдикции размещения их головного офиса. Некоторые из них являются крупными юридическими лицами со значительным опытом, например DynCorp International или MPRI, в то время как другие занимают нишевые области и обладают небольшим штатом сотрудников. Крупные компании имеют разветвленную сеть офисов по всему миру, более того, их акции торгуются на биржах. Один из ярких примеров — британская компания G4S, которая является

¹ *James O.C. Johan* 'Foreword' in Simon Chesterman and Chia Lehnardt (eds), *From mercenaries to market: The rise and regulation of private military and security companies*. Oxford University Press, 2007. P. 47.

² *Небольсина М.А., Никитин А.И.* Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // *Вестн. МГИМО Университета*. 2016. С. 146—154.

крупнейшей компанией в сфере безопасности и по географии работ — она имеет постоянные представительства на 6 континентах, 570 000 сотрудников по всему миру и свыше 7 млрд фунтов стерлингов ежегодного дохода¹.

В настоящее время сформировалось несколько подходов к пониманию международно-правового регулирования деятельности ЧВОК. Преобладают две тенденции. Одна основана на идее саморегулирования ЧВОК с незначительным вмешательством государств и мирового сообщества, это так называемая «швейцарская инициатива». Вторую тенденцию классического международно-правового регулирования представляет «Проект международной конвенции о регулировании, надзоре и мониторинге частных военных и охранных компаний» ООН.

«Швейцарской инициативой» называется целый комплекс документов, последовательно предложенный Правительством Швейцарии и Международным Комитетом Красного Креста, при активном участии нескольких западных ЧВОК в 2006 г.² Тогда мировому сообществу был представлен необычный вариант регулирования ЧВОК. К работе в рамках этой инициативы присоединились 17 стран, большая часть из которых являются либо странами происхождения ЧВОК, либо странами, в которых ЧВОК активно работают: Австралия, Австрия, Ангола, Афганистан, Германия, Ирак, Канада, Китай, Польша, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки, Сьерра-Леоне, Украина, Франция, Швейцария, Швеция и Южная Африка. В результате этой работы в 2008 г. был принят Документ Монтрё, затем на принципах Документа Монтрё в 2010 г. был принят Международный Кодекс поведения ЧВОК, который подписали уже свыше 700 компаний.

Данный Кодекс обобщает существующие стандарты в области защиты прав человека и указывает процедуры их применения в деятельности ЧВОК и их сотрудников, а также прописывает принципы, которыми должны руководствоваться компании для улучшения контроля за работой своих сотрудников в условиях вооруженного конфликта. В 2013 г. создана Ассоциация Международного Кодекса

¹ G4S. URL: <http://www.g4s.com/en/what-we-do> (дата обращения: 23.03.2022).

² Небольсина М.А., Никитин А.И. Указ. соч. С. 153.

поведения ЧВОК. Этот комплекс и получил название «швейцарская инициатива».

Безусловно, Документ Монтрё охватил широкий круг вопросов, связанных с ЧВОК, подтвердив при этом обязательства и ответственность государств, ЧВОК и их сотрудников в деле соблюдения общих принципов и норм международного права и его составной части — международного гуманитарного права. Однако при всех плюсах «швейцарской инициативы» все три ее составляющих: Документ Монтрё, Международный Кодекс поведения ЧВОК, Ассоциация Международного Кодекса поведения ЧВОК обладают главным минусом — не являются юридически обязательными для их участников.

Пункт 3 предисловия Документа Монтрё гласит: «Настоящий документ не является юридически обязательным и не затрагивает существующие обязательства государств по обычному международному праву или международным соглашениям, участниками которых они являются, в частности, их обязательства по Уставу Организации Объединенных Наций (особенно в статьях 2 (4) и 51)», п. 4 продолжает: «Поэтому настоящий документ не следует толковать как ограничивающий, ущемляющий или расширяющий каким-либо образом существующие обязательства по международному праву или как устанавливающий или развивающий новые обязательства по международному праву»¹.

Тем не менее, Документ Монтрё изначально создавался как ориентир для государств и самих ЧВОК, а не как международный договор. В основе лежит идея о саморегулировании этого рынка. Не случайно многие ЧВОК с самого начала участвовали в разработке всех документов. Большую роль в этой инициативе играет Ассоциация Международного Кодекса поведения ЧВОК как главный инструмент контроля и саморегулирования ЧВОК. Членами Ассоциации на сегодняшний день являются 95 компаний, 30 неправительственных организаций, 7 государств: США, Швейцария, Швеция, Норвегия, Великобритания, Австралия и Канада. На Ассоциацию возложена обязанность по сертификации ЧВОК, их мониторингу и приему жа-

¹ Документ Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта. С. 7. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf> (дата обращения: 23.03.2022).

люб. Причем жалобы на ЧВОК могут быть поданы в том числе и их сотрудниками. Среди инструментов мониторинга предусмотрены и выездные проверки ЧВОК¹.

Несмотря на свою необязательность и направленность на саморегулирование отрасли, Документ Монтрё безусловно заслуживает внимательного изучения, во-первых, как первый по-настоящему проработанный документ, посвященный проблематике ЧВОК, разработкой которого занимались эксперты из разных стран с учетом мнения представителей ЧВОК, во-вторых, как документ, демонстрирующий одну из главных тенденций — саморегулирование ЧВОК.

Как основополагающий элемент инициативы Документ Монтрё «содержит правила и положения о передовых практических методах в отношении частных военных и охранных компаний, действующих в зонах вооруженных конфликтов»². Очень важно, что Документ Монтрё определяет частные военные и охранные компании как «частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют»³. Оговорка «независимо от того, как они себя характеризуют» не случайна, так как большинство ЧВОК стараются не ассоциировать себя с «частными военными», предпочитая другие названия и характеристики, что, в свою очередь, может ввести в заблуждение. Раскрывается и само понятие «военных и охранных услуг», которые включают в себя, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключенных и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников⁴.

Термин «частные предпринимательские субъекты» или субъекты хозяйственной деятельности подчеркивает корпоративный аспект

¹ International Code of Conduct Association. URL: <https://www.icoca.ch/> (дата обращения: 23.03.2022).

² *Маурер П.* Письмо Постоянного представителя Швейцарии при Организации Объединенных Наций от 2 октября 2008 года на имя Генерального секретаря. URL: <https://www.icrc.org/rus/assets/files/other/montreau.pdf> (дата обращения: 23.03.2022).

³ Страница 8 Документа Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта.

⁴ Страница 8 Документа Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта.

ЧВОК, которые по своей природе являются юридическими, а не физическими лицами. Данное определение охватывает все многообразие частных компаний благодаря тому, что относит к ЧВОК любую компанию, которая оказывает «военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они сами себя характеризуют». Подобный подход позволяет избежать использования несовершенной классификации ЧВОК, подразумевающей деление их услуг на активные и пассивные или оборонительные и наступательные. Данная формулировка отражает общую обеспокоенность тем, что все виды деятельности ЧВОК нуждаются в контроле, так как все они обладают определенным летальным потенциалом. В том, что касается стратегического взаимодействия, Документ Монтрё позволяет отнести к категории ЧВОК любых подрядчиков, которые, несмотря на безоружность своего персонала, косвенно влияют на ход вооруженной борьбы в ходе конфликта, оказывая услуги по обучению специалистов в интересах вооруженных сил того или иного государства. Несмотря на то что Документ Монтрё основывается на принципах международного гуманитарного права, которое определяет сотрудников ЧВОК как гражданских лиц, в большинстве случаев запрещая им прямое участие в боевых действиях, он предлагает широкий спектр услуг, которые могут оказывать ЧВОК¹. При этом некоторые из них допускают активное участие в военных действиях (например, эксплуатация систем вооружений). Хотя Документ Монтрё осуждает использование ЧВОК в активных боевых действиях, он не содержит прямого перечня услуг, которые по этой причине не должны предоставлять современные ЧВОК. Дефиниции, содержащиеся в Документе Монтрё, свидетельствуют о неопределенности современного подхода к пониманию характера и природы ЧВОК, а также об отсутствии единого мнения среди государств — участников Документа Монтрё и международного сообщества в отношении услуг, которые данные компании могут предоставлять. Это является одной из причин того, почему государства-участники сделали выбор в пользу норм необязательного права, посчитав их подходящим способом правового регулирования деятельности ЧВОК².

¹ Параграфы 24—25, гл. 3.1, 4.1 Документа Монтрё о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта.

² *Старцун В.Н.* Частные военные компании: международный опыт и перспективы правового регулирования в Российской Федерации. М., 2016. С. 69.

Параллельно с написанием Документа Монтрё в Швейцарии велась работа и в ООН над Проектом Конвенции о регулировании, надзоре и мониторинге за частными военными и охранными компаниями (Проект Конвенции). Проект был подготовлен и представлен Рабочей группой по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение (Рабочая группа) в 2009 г. Рабочая группа была создана в июле 2005 г. в соответствии с Резолюцией 2005/2 Комиссии по правам человека. Рабочей группе перешел мандат Специального докладчика по вопросу об использовании наемников, который действовал с 1987 г.

За время существования Рабочей группы была проделана большая работа, в результате которой удалось собрать уникальный материал, говорящий о том, что деятельность ЧВОК лежит в особой «серой зоне» международно-правового регулирования.

В проекте Конвенции, так же как и в Документе Монтрё, дано определение ЧВОК, однако оно имеет свои особенности: «Частная военная и/или охранный компания (PMSC) является юридическим лицом, которое предоставляет на компенсационной основе военные и/или охранные услуги, включая услуги по расследованию, оказываемые физическими и/или юридическими лицами». Интересен тот факт, что деятельность по расследованию выделена в определении. Вероятнее всего, подразумевается частная детективная деятельность, которая осуществляется некоторыми ЧВОК, равно как оказываются услуги по разведке¹.

Пункт 2 ст. 3 Проекта Конвенции гласит, что «настоящая Конвенция не применяется в отношении лиц или субъектов, охватываемых Международной конвенцией о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников или Дополнительным протоколом к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающимся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), от 8 июня 1977 года»². Далее в ст. 9 «Запрет наемниче-

¹ Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Современные тенденции правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний // Право в Вооруженных Силах. 2019. № 12. С. 65—71.

² Draft International Convention on the Regulation, Oversight and Monitoring of Private Military and Security Companies. P. 8. URL: <https://mgimo.ru/files/121626/draft.pdf> (дата обращения: 23.12.2021).

ской деятельности» говорится, что «каждое государство-участник, которое еще не сделало этого, должно рассмотреть вопрос о ратификации Международной конвенции о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников».

Помимо того что этим демонстрируется преимущество Проекта Конвенции по отношению к Конвенции 1989 г., указанные статьи разграничивают понятия наемничества и ЧВОК. Действительно, на сегодняшний день часто проводимые параллели между ЧВОК и наемниками и даже смешивание этих понятий в одно приводят к сложностям в попытках общего осмысления ЧВОК, поэтому в первую очередь необходимо провести четкое разделение их статуса в международном праве.

Достоинство Проекта Конвенции состоит в гораздо большем по сравнению с Документом Монтрё охвате проблемных тем ЧВОК: это и ответственность государств, контроль за оборотом оружия, применение ненасильственных средств и оружия сотрудниками ЧВОК, вопросы лицензирования и регистрации ЧВОК, ведения государствами национальных реестров ЧВОК, вопросы определения юрисдикции в случае совершения сотрудниками ЧВОК преступлений и их экстрадиции, взаимной правовой помощи между государствами. Крайне важным в деле регулирования деятельности ЧВОК является то, что Проект Конвенции учреждает Комитет по регулированию, надзору и мониторингу за ЧВОК и, более того, обязывает государств — участников Конвенции учреждать фонды для реабилитации жертв преступлений ЧВОК.

Использование силы на морских акваториях частными субъектами — новшество в современных международных отношениях — стало серьезным вызовом для международного права и устоявшейся практики. За последние несколько лет все большее число компаний и неправительственных организаций стало полагаться на услуги частных морских охранных компаний. Это вынудило Международную морскую организацию (ИМО) пересмотреть свои позиции в отношении применения силы в морском пространстве частными субъектами, которым до недавнего времени принципиально запрещалось ношение оружия.

Конечно, государства по-прежнему пытаются сохранять бдительный контроль за отраслью, используя весь арсенал доступных

им средств, однако объективные сложности обеспечения подобного контроля на практике делают его малоэффективным. При этом роль частных компаний в сфере обеспечения безопасности морского пространства продолжает возрастать.

В контексте некоторых исследований морской безопасности¹ частные вооруженные флотилии могут действовать под скрытым организованным ведомственным контролем в качестве одного из средств ведения гибридной войны на море, что будет напоминать выдачу властями каперских свидетельств, наделявших частных субъектов прошлого определенными официальными полномочиями.

Ратифицируя международные документы, государства получают некоторые права, но, вместе с тем, берут на себя определенные обязательства. Как отмечалось, безопасность людей и товаров при морских перевозках является всеобщим обязательством, предусмотренным различными международными конвенциями, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Возникновение преступности на море и пиратства создает такие угрозы безопасности, на которые нужно реагировать быстро и без задержек, и отсутствие внутренних механизмов, необходимых для противодействия подобным явлениям, не оправдывает бездействие. Схожая ситуация в частной спасательной отрасли наглядно показывает, что потребность в частном подрядчике обусловлена неспособностью большинства морских государств подготавливать, обеспечивать и содержать собственные спасательные силы, что соответственно ставит их в зависимость от частных спасательных служб в связи с необходимостью выполнять принятые на себя обязательства и удовлетворять собственные потребности.

Следует отметить, что предоставление права на применение вооруженной силы частным компаниям стало лишь одним из ответных шагов международного сообщества на острую проблему пиратства, и на его подготовку ушло немало времени. Несмотря на то что военно-морские силы различных стран уже давно предпринимают совместные меры по борьбе с пиратами и контрабандистами, некоторые заинтересованные стороны настаивают на привлечении част-

¹ Kraska J., Pedrozo R. International maritime security law. Martius Nijhoff, Leiden Meija MQ, 2013; Kojima C., Sawyer M. (2013) Piracy at sea. Springer, Heidelberg, 2013.

ных компаний к борьбе с организованной преступностью, особенно в контексте недавнего средиземноморского кризиса с беженцами и роста морской торговли людьми.

Когда движущие силы судоходной и страховой отраслей открыли двери в морскую сферу частным охранным компаниям, государства, уже привыкшие к работе с частным военным охранным сектором на суше, в скором времени «подстроились» к появившейся подотрасли глобальной индустрии частного охранного бизнеса. Первоначально, принимая во внимание то, что безопасность людей и товаров во время морских перевозок остается приоритетом международного сообщества в сфере морского судоходства в целом, введение права на ношение огнестрельного оружия представителями частных охранных компаний в данной сфере расценивалось как нарушение общественных интересов, которое могло бы привести к распространению и росту насилия. Однако подобное восприятие постепенно трансформировалось в компромиссное решение, в соответствии с которым охранные услуги должны предоставляться профессиональными компаниями, имеющими штат подготовленных и соответствующе экипированных специалистов, готовых применить вооруженную силу в отсутствие иных средств, позволяющих предотвратить угрозы для людей и товаров в соответствии с устоявшейся практикой, пример которой можно увидеть в Документе Монтрё, который в морской сфере не применяется. Таким образом, в некоторой степени роль государства уменьшилась; отчасти ввиду того, что контракты, заключаемые частными морскими охранными предприятиями, носят частный характер (в отличие от случаев, когда частные компании выступают подрядчиками государств). Но даже несмотря на это, государства упорно стараются сохранить бдительный контроль за отраслью, опираясь на детально проработанное законодательство. Однако эффект таких попыток сомнителен ввиду практической сложности обеспечения контроля и надзора. В то же время роль частных компаний в сфере обеспечения безопасности морского пространства продолжает возрастать — масштаб задействования частных структур беспрецедентен.

В настоящее время все чаще появляются сообщения об инцидентах с жертвами на море. Начиная с марта 2010 г. печальные события, связанные с гибелью ни в чем не повинных рыбаков, становятся су-

ровой реальностью¹, что бросает все большую тень на индустрию предоставления частных услуг по обеспечению морской безопасности. Одновременно растет число сообщений о чрезмерном применении вооруженной силы отдельными сотрудниками охранных подразделений, что имело место, в частности, во время предполагаемой атаки на грузовое судно *Avocet*².

В 2012 г. ИМО издала Временное руководство для частных компаний, предоставляющих вооруженный персонал для обеспечения безопасности на борту судов в зонах повышенного риска. В отношении применения силы, признавая общие полномочия капитана (п. 5.6), Руководство предусматривает (п. 5.15), что необходимо предпринять все разумные шаги, чтобы избежать применения силы, но, если применение силы будет сочтено необходимым, оно должно осуществляться постепенно, с применением только таких мер, которые необходимы и разумны в данных обстоятельствах (п. 5.15)³.

Параллельно с публикацией руководящих принципов ИМО в отношении предоставления частных услуг по обеспечению безопасности на море ряд заинтересованных сторон, особенно в области судоходства и смежных отраслей, попытались издать аналогичные руководящие указания и рекомендации в целях повышения безопасности людей либо для обеспечения сохранности товара в связи с предоставлением охранных услуг или для повышения популярности таких услуг. Однако с ростом числа прибрежных государств и государств-перевозчиков, принимающих законы и постановления в отношении предоставления услуг по обеспечению безопасности на море частными компаниями на борту судов, плавающих под их флагами, появившиеся «мягкие» правовые нормы, выработанные в корпоративных интересах, вскоре начали превращаться во вполне «жесткие».

Так, Балтийский и международный морской совет выпустил Руководство по правилам применения силы вооруженным персоналом

¹ *Symmons C.R.* Embarking vessel protection detachments and private armed guards on board commercial vessels: international legal consequences and problems under the law of the sea // *Military Law War Rev.* 2012. 51:21—53.

² *Dutton Y.M.* Gunslingers on the high seas: a call for regulation. *Duke J Comp Int Law* 24, 2013.

³ International Maritime Organization. Interim Guidance to private maritime security companies providing contracted armed security personnel on board ships in the High Risk Area. MSC.1/Circ. 1443. 2012.

охраны, нанятым в частном порядке, для защиты торговых судов (Руководство BIMCO)¹. Данный документ соотносится с соответствующими положениями GUARDCON для регулирования отношений между капитаном судна и руководителем группы персонала охраны (п. 5 Руководства BIMCO). В соответствии с п. 8 (b) GUARDCON в случае «фактического, предполагаемого или возможного пиратского нападения» руководитель группы персонала охраны (подрядчик) имеет право действовать в рамках Руководства по правилам применения силы, при этом он несет ответственность за правомерность применения оружия. Принимая во внимание то, что в соответствии с п. 8 (d) GUARDCON капитан судна может отдать приказ о прекращении огня, каждый представитель подрядчика сохраняет за собой право на самооборону, включая применение летальной силы. Это право базируется на основной обязанности подрядчика (п. 3 (b) GUARDCON) обеспечивать защиту и безопасность судна, «используя все разумные навыки и осторожность» (п. 6 (a) GUARDCON), в соответствии с которыми подрядчики не гарантируют безопасность судна (п. 9), но обещают действовать на максимуме своих возможностей.

Еще одним юридически необязательным набором правил в отношении применения силы являются Правила 100 серии: Международный типовой набор морских правил применения силы². Правила 100 серии также соответствуют условиям GUARDCON в вопросе отношений между капитаном судна и руководителем группы персонала вооруженной охраны.

Правила 100 серии предусматривают, что сила должна использоваться, когда это необходимо и/или разумно, в качестве сдерживающего фактора при наличии непосредственной угрозы жизни, и ее применение должно быть соразмерно с угрозой. В частности, правило 101 предусматривает использование так называемых некинетических средств, к которым относятся звуковые и световые сигналы, неослепляющие лазеры, ракетницы, водяные пушки или пожарные шланги высокого давления, а также маневрирование и демонстрация оружия персоналом охраны. Правило 102 предполагает использование, среди прочего, предупредительных выстрелов

¹ BIMCO Guidance on Rules for the Use of Force (RUF) by Privately Contracted Armed Security Personnel (PCASP) in Defence of a Merchant Vessel (MV).

² Globus Intelligence Ltd. The 100 Series Rules: An International Model Set of Maritime Rules for the Use of Force (RUF). 2013.

для предотвращения атаки. Наконец, правило 103 закрепляет право на применение летальной силы в случае явной и неминуемой атаки.

Правила GUARDCON, Руководство BIMCO и Правила 100 серии коррелируют с сертификационным стандартом ISO/PAS 28007: 2012 «Корабли и морские технологии» — Руководство для частных компаний по безопасности на море (PMSC), предоставляющих нанятых по частным контрактам вооруженных охранников (PCASP) на борту судов¹, которое было разработано по поручению ИМО.

Современное российское законодательство не допускает использование российских частных охранных предприятий за границей. В этой связи, например, «Совкомфлот» сотрудничает с охранной компанией «Моран секьюрити групп», в которой работают российские граждане. Данная компания имеет регистрацию за рубежом. МИД России оказывает содействие по легализации деятельности этого охранного предприятия на территории иностранных государств, в том числе через свои загранпредставительства во время заходов судов с охраной в иностранные порты².

Все большее число государств также принимают руководящие документы в отношении предоставления частных охранных услуг на море. Лишь небольшое количество доступных документов имеют юридически обязывающий характер, большинство из них предлагается применять на добровольной основе³. Тем не менее, частная отрасль морской безопасности, которая претендует на звание профессиональной, испытывает все большее давление в целях добровольного включения таких рекомендаций в свои стандартные операционные процедуры. Последнее слово в этом вопросе будет за судами, но тот факт, что лишь малая часть зарегистрированных инцидентов, связанных с предоставлением частных охранных услуг на суше и ни одного в морской сфере, не достигла суда, говорит о деликатности и сложности рассматриваемого вопроса⁴.

¹ International Organization for Standardization. The ISO/PAS 28007:2012 Ships and marine technology — Guidelines for Private Maritime Security Companies (PMSC) providing privately contracted armed security personnel (PCASP) on board ships (and pro forma contract). 2012.

² URL: <http://moran-group.org/ru/about/index> (дата обращения: 22.12.2021).

³ См. подробнее: *Холиков И.В., Окоча В.А.* Применение вооруженной силы частными морскими охранными компаниями: динамика границ и специфика правового регулирования в современном мире // Журн. рос. права. 2020. № 12. С. 147—158.

⁴ Andreone G. (ed). The Future of the law of the sea: bridging gaps between national, individual and common interests. Institute for International Legal Studies. Rome. 2017.

Относительно недавно (в августе 2015 г.) в рамках резонансного дела о предполагаемом незаконном применении силы на море (*Enrica Lexie case*) Международный трибунал по морскому праву вынес решение о применении временных мер, а само дело было передано для рассмотрения в Постоянную палату третейского суда, созданную еще в 1899 г. и расположенную в Гааге.

В данном случае применение силы итальянской военной группой из шести человек привело к нежелательным последствиям, в результате которых погибли два рыбака с индийского рыболовного траулера. Хотя большинство фактов постоянно оспаривается сторонами¹ в ожидании окончательного решения суда, ранние источники указывали, что: (а) инцидент произошел в течение дня; (б) рыболовный траулер в какой-то момент предположительно маневрировал в направлении танкера (по некоторым данным, это заключалось в резком движении к корме танкера, что трудно подтвердить из-за того, что семь из девяти рыбаков, присутствовавших на траулере, во время инцидента спали, а двое, отвечавших за управление судном, были убиты); (в) судно не предприняло никаких попыток избежать сближения; (г) руководитель группы не консультировался ни с капитаном судна, ни с кем-либо из членов команды относительно шагов, которые необходимо было предпринять (в соответствии с показаниями капитана и старшего помощника); (д) итальянские морские пехотинцы утверждают, что перед стрельбой они использовали предупредительные световые сигналы (действие с сомнительным эффектом в светлое время суток); (е) рыбаки не были вооружены и не проявляли каких-либо враждебных намерений (дальнейший осмотр танкера не позволил получить никаких доказательств того, что танкер был обстрелян, что утверждалось итальянскими морскими пехотинцами); (ё) команда танкера не сообщила немедленно об инциденте соответствующим органам и танкер продолжил свой путь; (ж) прибрежная полиция Индии оповестила береговую охрану Индии, связавшуюся после этого с танкером, который лишь затем изменил свой курс и направился обратно в порт Кочи².

¹ *Gandhi M.* The Enrica Lexie Incident: seeing beyond the grey areas of international law // *Indian J Int Law.* 2013. 53:1—26.

² *Eboli V., Pierini J.P.* The “Enrica Lexie” case and the limits of the extraterritorial jurisdiction of India // *I quaderni europei.* 2012. 39:2—27.

Вопросы, находящиеся на рассмотрении в верховном суде Индии¹, касаются того, действовали ли итальянские морские пехотинцы в соответствии с Правилами ведения боевых действий (уместно отметить, что услуги, предоставляемые итальянскими морскими пехотинцами, основаны на монополии государства на применение силы²) и влекут ли их действия за собой уголовную и/или гражданскую ответственность. Решение, которое должно быть принято индийским судом, окажет существенное влияние на индустрию предоставления частных услуг морской безопасности и на вопрос в отношении применения силы в целом и применения силы с летальным исходом в частности.

Большинство рекомендаций и руководящих принципов, регулирующих применение силы частными организациями, занимающимися предоставлением услуг безопасности на море, не имеют юридически обязывающего характера. Предлагая лишь определенные алгоритмы действий, они оставляют остальные вопросы на откуп профессиональным поставщикам услуг, потребителям, третьим лицам и, наконец, судебным органам. Появление правовых прецедентов и оснований для возможных дальнейших судебных разбирательств окажет существенное влияние на отрасль. В этой связи очевидно, что решения по делу *Enrica Lexie*, которые вынесут Постоянная палата третейского суда в Гааге и верховный суд Индии, вновь акцентируют внимание мировой общественности на вопросах общей ответственности частных военных и (морских) охранных компаний³. С учетом изложенного представляется, что тенденция ужесточения контроля за деятельностью частных морских охранных компаний, по аналогии с сухопутными ЧВОК, сохранится, что, в свою очередь, предопределяет необходимость дальнейшей проработки возможностей совершенствования правового регулирования частной морской охранной деятельности на международном и национальном уровнях.

Подводя итог, представляется возможным констатировать, что ЧВОК — это военно-политический феномен XXI в. Налицо зависимость и прямая заинтересованность многих государств в суще-

¹ International Tribunal for the Law of the Sea. The “Enrica Lexie” Incident (Italy v. India), Provisional Measures. ITLOS/Press 237. 2015.

² Petrig A. The use of force and firearms by private maritime security companies against suspected pirates. *Int Comp Law Q*, 2013. 62 (3):667—701.

³ Холиков И.В., Ожоча В.А. Указ. соч. С. 147—158.

ствовании таких компаний. Это, в свою очередь, ставит вопрос не о международном запрете деятельности таких компаний наряду с наемничеством, а о полноценной международно-правовой регламентации рынка военных услуг и формировании для этого полноценного контрольно-разрешительного механизма.

Изучение современных тенденций правового регулирования деятельности ЧВОК свидетельствует, что в данной области сформировалось два подхода. Первый, так называемая «швейцарская инициатива», — целый комплекс документов и механизмов, включающий в себя уже созданную контрольно-лицензирующую организацию. Данный подход основан на идее саморегулирования ЧВОК с незначительным вмешательством государств. Однако за всеми плюсами этой инициативы скрывается главный, перевешивающий все минус — отсутствие юридической силы и обязательств по соблюдению Документа Монтрё.

Второй подход представляет попытку разработать международную конвенцию, регулирующую деятельность частных военных и охранных компаний в целом. Процесс принятия конвенции ожидается мировым сообществом уже несколько лет¹, однако перспективы его весьма туманны. Затягивание с реализацией данного проекта обусловлено, вероятно, тем, что использование частных поставщиков охранных услуг хотя и присутствует на протяжении долгого времени (особенно в последние десятилетия), при этом противоречит фундаментальной монополии государства на применение силы, что вызывает неоднозначные чувства к официальному признанию их статуса в современном мире. Однако не следует пренебрегать тем фактом, что очень часто государства напрямую заключают контракты с частными военными и охранными компаниями, тем самым фактически уполномочивая такие компании использовать насильственные меры (основанные на монополии государства на насилие), когда это необходимо и уместно. Другими словами, в зависимости от характера конкретной операции деятельность, осуществляемая вовлеченным частным субъектом, может представлять собой деятельность, настолько присущую понятию государственного суверенитета и эффективности государства, что любая формальная линия разграничения — где заканчиваются функции государства и где начинаются отдельные операции частного

¹ Холиков И.В., Сайфуллин Э.К., Окоча В.А. Указ. соч. С. 69.

субъекта — на практике легко размывается. Данный вопрос также актуализирует необходимость выполнения требований норм международного гуманитарного права. Существующие нормы МГП обладают достаточным потенциалом в регулировании вопросов, связанных с вооруженными конфликтами, и не нуждаются в совершенствовании, однако проблема их реализации нередко кроется в недостаточно эффективных механизмах международно-правовой ответственности, обусловленных политической конъюнктурой субъектов международного права¹. Государства должны принимать меры, необходимые для пресечения всех действий, противоречащих Конвенциям, хотя и не являющихся серьезными нарушениями. Кроме того, как в международных, так и в немеждународных конфликтах выявляется наличие нормы обычного МГП о судебном преследовании лиц, виновных в совершении военных преступлений². В частности, государства несут основную ответственность за расследование сообщений о нарушениях и судебное преследование лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений МГП. Это обязательство требует от государств разработки четкой нормативной базы, прочных правовых механизмов и эффективных мер, чтобы обеспечить привлечение к ответственности в целях предотвращения серьезных нарушений МГП и наказать лиц, признанных виновными в их совершении³. Любой международный документ, который регулировал бы деятельность частных охранных компаний, должен был бы учитывать это и предусматривать меры равного уровня в случае нарушения обязательств как против частных субъектов, так и против государственных учреждений, которые их наняли. Это, возможно, еще одна причина двусмысленности в отношении существования такого документа, которая требует дальнейшего изучения.

Без сомнения, все описанные инициативы и тенденции регулирования деятельности частных военных и охранных компаний являются, каждая по-своему и в совокупности, значительным шагом

¹ Холиков И.В. Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Сборник научных статей по материалам Международного научно-практического семинара. Оренбург, 2014. С. 307.

² Дамаскин О.В., Холиков И.В. Военные аспекты международного гуманитарного права // Воен. право: электрон. науч. изд. 2017. Вып. № 2. С. 214—221.

³ Дамаскин О.В., Холиков И.В. Современные проблемы международного гуманитарного права // Современ. право. 2017. № 5. С. 108—109.

мирового сообщества на пути к разрешению проблемных вопросов, связанных с деятельностью частных военных охранных компаний на суше и на море.

§ 6. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ЗА НАРУШЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Нарушения норм международного гуманитарного права (МГП) обычно рассматриваются в связи с международными преступлениями индивида, в частности в контексте преступлений против человечности и военных преступлений. В то же время нарушения МГП нередко сопровождают также международные преступления, совершаемые государствами и международными организациями.

Практика международного взаимодействия свидетельствует о том, что международное гуманитарное право «по всей видимости, является наименее соблюдаемой и, следовательно, наиболее теоретической (чтобы не сказать самой утопической) отраслью международного права»¹. Любая военная операция нацелена, прежде всего, на победу над противником. Призыв, содержащийся в основных документах международного гуманитарного права, к тому, чтобы точно уничтожать лишь военные объекты противника, гуманно обходя гражданское население, является однозначно благим, однако на практике его реализация встречается крайне редко. В качестве исключения можно привести в пример специальную военную операцию по денацификации и демилитаризации Украины 2022 г., характеризующуюся буквальным пониманием норм и положений МГП, в особенности связанных с организацией гуманитарных коридоров и защитой гражданского населения.

В то же время развязанный в 2014 г. при попустительстве коллективного Запада внутренний вооруженный конфликт на территории востока Украины, вынудивший Россию прибегнуть к крайним ме-

¹ Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. ICRC, 2011. С. 681.

рам в виде проведения специальной военной операции, изобилует примерами нарушения норм международного гуманитарного права.

В отечественной доктрине нарушения норм МГП рассматриваются преимущественно в контексте ответственности индивидов в рамках международного уголовного права¹, вопросы же международной ответственности государств и, в особенности, международных организаций за нарушения международного гуманитарного права изучены в доктрине относительно мало.

Некоторые исследователи задаются вопросом, могут ли нарушения норм международного гуманитарного права порождать международную ответственность государств и международных организаций с учетом того, что международные организации не являются подписантами документов по международному гуманитарному праву, соответственно встает вопрос, насколько к их действиям вообще применимы нормы международного гуманитарного права.

В российской доктрине публикаций на тему именно международной ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права сравнительно немного². Среди них отдельно необходимо выделить диссертационное исследование С.В. Бухмина, посвященное вопросам применения норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах, в которых задействованы контингенты ООН³. Что касается зарубежной доктрины, часто цитируемыми работами по данному вопросу являются статья канадского профессора М. Сассоли, написанная в 2002 г., вскоре после принятия Проекта статей об ответственности государств во втором чтении⁴, а также статья юриста Международного Комитета Красного Креста Э.-К. Гийяр, посвященная вопросам возмещения ущерба индивидам⁵. Кроме того, необходимо отметить публикации Г. Хоффмана, Г. Паретто, С. Вите и др.⁶

¹ Давид Э. Указ. соч.

² Пиджаков А.Ю., Иранпур З.Ф. К вопросу юридической ответственности государств за нарушения норм международного гуманитарного права // Рос. юстиция. 2014. № 2.

³ Бухмин С.В. Применение норм международного гуманитарного права в вооруженных конфликтах с участием ООН: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

⁴ Сассоли М. Ответственность государства за нарушения международного гуманитарного права // Междунар. журн. Красного Креста. 2002.

⁵ Гийяр Э.-К. Возмещение ущерба в случае нарушений международного гуманитарного права // Там же. 2003.

⁶ Hoffman H. Peace-Enforcement Actions and International Humanitarian Law: Emerging Rules for 'Interventional Armed Conflicts // International review of the Red Cross. 2000. Vol. 82. No. 837; Porretto G., Vite S. The application of international humanitarian law and human rights law to international organisations

В последнее время особую актуальность приобрели вопросы правового регулирования внутренних вооруженных конфликтов. Ситуации, когда друг с другом формально воюют лица гражданского населения, относятся к числу наиболее сложных случаев. Очевидно, что в подобных случаях можно надеяться лишь на соблюдение общих принципов гуманности, указанных в известной «оговорке Мартенса».

Нормы международного гуманитарного права, содержащиеся в четырех Женевских конвенциях 1949 г. и двух Дополнительных протоколах к ним 1977 г., были разработаны в первую очередь для регулирования международных вооруженных конфликтов. Основная цель данных документов заключалась в максимально возможной гуманизации этих конфликтов, ограничении средств и методов ведения войны, а также защите определенных категорий лиц и имущества¹. Нормы, применимые к вооруженному конфликту немеждународного характера, излагаются в общей для всех четырех Женевских конвенций ст. 3 и Дополнительном протоколе II 1977 г.² Комиссия международного права ООН утверждает, что «обязательство возместить ущерб действует и в случаях нарушений международного гуманитарного права, регулирующего немеждународные вооруженные конфликты, остающиеся за рамками вышеупомянутых норм международного договорного права»³.

Согласно ст. 26 Проекта статей об ответственности государств любое деяние государства, если это деяние не соответствует обязательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права, является противоправным. Согласно ст. 26 Проекта статей об ответственности международных организаций любое деяние международной организации, которое не соответствует обя-

Research Paper Series. Centre Universitaire de Droit International Humaine, Collection des travaux de recherché. 2006. No. 1; *Petrovici N. Il Rispetto del diritto internazionale umanitario da parte delle forze dell'Alleanza atlantica nel Kosovo / L'intervento in Kosovo, Aspetti internazionalistici e interni*, E. Sciso (ed.), Milan, Giuffrè, 2001.

¹ *Холиков И.В.* Нормы международного гуманитарного права и практика их реализации в современных условиях // Государственная политика реформирования социального и гуманитарного образования: сравнение опыта постсоциалистических государств: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. семинара, Оренбург, 28 мая 2014 года. Оренбург, 2014. С. 294—307.

² Согласно данной статье в ситуации внутреннего вооруженного конфликта действует обязательный минимум положений, к которому относятся гуманное обращение с ранеными, запрет на взятие заложников, запрет на пытки и унижающее обращение.

³ Report of International Law Commission. 2001. P. 36 (1).

зательству, вытекающему из императивной нормы общего международного права, также является противоправным. Соответственно ключевой момент при определении вопросов ответственности — это вопрос о том, является ли нарушение норм международного гуманитарного права нарушением императивных норм.

Будет излишне оптимистичным заявление о том, что в доктрине и правоприменительной практике существует абсолютное единство по данному вопросу. Например, некоторые представители доктрины международного права считают, что все без исключений положения международного гуманитарного права составляют содержание императивных норм¹, в то время как другие не разделяют данную точку зрения и даже не считают весь «корпус» международного гуманитарного права обычным правом².

В Консультативном заключении Международного Суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения 1996 г. было сказано, что «принципы и нормы гуманитарного права являются частью *jus cogens*, как это определено в статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.»³.

Таким образом, поскольку оба Проекта статей об ответственности содержат лишь вторичные правовые нормы, можно констатировать, что нарушения международного гуманитарного права государствами и международными организациями влекут за собой ответственность, только если сначала удастся установить нарушение «серьезных обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права».

Вопрос важен и актуален также по причине того, что, как отмечал еще в 1950-х гг. Специальный докладчик Комиссии международного права ООН по вопросам ответственности государств Г. Гарсия-Аматор, «международная ответственность изначально есть инструмент

¹ *Condorelli L., Boisson de Chazournes L.* Quelques remarques à propos de l'obligation des États de 'respecter et faire respecter' le droit international humanitaire en toutes circonstances. *Studies and Essays on International Humanitarian Law and Red Cross Principles in Honour of Jean Pictet*. C. Swinarski (ed.), ICRC/Martinus Nijhoff, Geneva/The Hague, 1984.

² *Stein T.* Coalition Warfare and Differing Legal Obligations of Coalition Members Under International Humanitarian Law *International Law Studies*. Vol. 78. Legal and Ethical Lessons of NATO's Kosovo Campaign. 2002. P. 317.

³ Консультативное заключение Международного Суда ООН относительно законности угрозы ядерным оружием или его применения 1996 г.

защиты базовых прав человека»¹, что также весьма созвучно ключевым императивам МГП.

Международную ответственность международных организаций за нарушение норм международного гуманитарного права доказать и реализовать куда сложнее, чем ответственность государств. Международная организация, имеющая наиболее длинный «послужной список» нарушений норм международного гуманитарного права, — это, безусловно, НАТО. Многие исследователи после анализа последствий натовских операций задавались резонным вопросом: «Каким образом многонациональные контингенты на службе НАТО могут быть привлечены к ответственности за нарушение норм международного гуманитарного права, и могут ли они вообще быть привлечены?»²

Среди серьезных нарушений МГП, совершенных НАТО в период операции в Югославии, можно назвать целенаправленное разрушение инфраструктуры этой страны. Как заявил американский генерал У. Кларк в своем выступлении от 24 марта 1999 г., «мы намерены разрушать, разорять, опустошать, повреждать и в конечном счете уничтожить основную инфраструктуру Югославии»³, что и было реализовано. Количество жертв среди мирного населения в разных изданиях оценивается от одной до тридцати тысяч убитыми, при этом «30 % убитых и почти 40 % раненых — дети, а количество беженцев за время бомбардировок составило почти 860 000 человек»⁴. Особенно ценно в данном случае звучат слова командования НАТО о том, что воздушная кампания против бывшей Югославии была «воздушной операцией, ставшей наиболее четкой, с минимальным количеством жертв воздушной операцией в истории»⁵.

Итоги операции в Югославии выявили серьезнейший пробел в современной международно-правовой системе, связанный с тем,

¹ Yearbook of International Law Commission. Vol. 2. 1956. P. 173.

² Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations? // The Fletcher Forum of World Affairs. 2013. Vol. 37. No. 3. P. 164.

³ Цит. по: Parenti M. To Kill a Nation: The Attack on Yugoslavia. Verso, 2000. P. 124.

⁴ Данные приведены в защитной речи Слободана Милошевича на процессе в Гааге 13 февраля 2002 г. (URL: http://www.sdelanounih.ru/slobodan_miloshevich_hague2/ (дата обращения: 30.04.2022)).

⁵ Joint Statement on the Kosovo After Action Review, Secretary of Defense William S. Cohen and General Henry H. Shelton, Chairman of the Joint Chiefs of Staff, before the United States Senate Armed Services Committee, 14 October 1999.

что подача иска против международной организации весьма затруднительна. Именно поэтому иски как государств, так и индивидов подавались не против самого НАТО, а против отдельных стран — членов альянса. Хотя некоторые авторы резонно указывали на то, что обеспечить ответственность НАТО за нарушения норм международного гуманитарного права будет проще, если говорить об ответственности организации в целом, а не отдельных ее членов. Будет проще собирать доказательства, выплачивать компенсации пострадавшим, которые будут иметь дело с одной структурой¹.

Основной аргумент НАТО в ответ на упреки в многочисленных жертвах в любых проведенных операциях состоит в том, что издержки и сопутствующий ущерб (*collateral damage*) в ходе военной операции неизбежны, главное выполнить основную цель — уничтожение или ослабление противника. М. Робинсон, которая в 1999 г. была Верховным комиссаром ООН по правам человека, заявила следующее по данному поводу: «Если жертв среди гражданского населения можно избежать, значит, их нужно избежать... Если невозможно удостовериться в том, что на мосту нет автобусов с людьми, стоит ли взрывать эти мосты? Это очень важные вопросы, потому что люди — это не сопутствующий ущерб. Это люди, которых убивают, калечат, чьи жизни разрушены»².

Важным аспектом для реализации ответственности организациями является также точное установление числа жертв. В случае с НАТО, какие бы цифры по жертвам среди мирного населения не назывались представителями правозащитных организаций и СМИ, руководство альянса всегда стоит на том, что жертвы были минимальны. Так, по итогам операции в Югославии спикер НАТО Дж. Ши заявил: «В истории военно-воздушных операций еще не было операции настолько разрушительной для военных и при этом настолько дружественной к гражданскому населению, даже если мы не смогли — и никто никогда не сможет — достичь стопроцентного совершенства»³.

При определении ответственности международных организаций за жертвы среди мирного населения также возникает вопрос

¹ Rosen N. How are Multinational NATO Operations Responsible for International Humanitarian Law Violations? // The Fletcher Forum of World Affairs. 2013. Vol. 37. No. 3. P. 168.

² Цит. по: Boggan S. NATO Warned on War Crimes // The Independent. 1999. 5 May.

³ Press Conference of J. Shea and Major General W. Jertz, Brussels, 3 May 1999.

о том, действуют ли нормы международных конвенций в отношении международных организаций в том случае, если не все из них государств-членов их подписали.

Например, в 1999 г. Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, не был подписан Францией, США и Турцией. Кстати, само руководство НАТО не считает альянс носителем обязательств по международному гуманитарному праву, утверждая, что «НАТО не является участником конвенций по международному гуманитарному праву»¹. Б. де Витс, юрист НАТО, подчеркнул, что «правовые обязательства лежат на государствах-членах»². Именно поэтому в случае нарушения международного гуманитарного права в период операций НАТО все ограничивается в лучшем случае выплатами *ex gratia*, осуществляемыми отдельными членами организации.

Еще одним важным аспектом при определении ответственности НАТО является то, что большинство международных конвенций в области международного гуманитарного права подписывались государствами, что соответственно налагает обязательства на государства, а не на международные организации. Как быть в ситуации, как, например, с Конвенцией по кассетным боеприпасам, вступившей в силу в 2010 г., которую одни члены НАТО (например, Франция и Германия) подписали, а другие члены (например, США) не подписали? Каковы при этом обязательства альянса в целом по отношению к данной Конвенции? Ответа на данные вопросы пока нет.

Существует также проблемы с официальным запрещением отдельных видов оружия. Например, в ходе операции НАТО в Югославии использовались снаряды с обедненным ураном, а по некоторым данным, с «плутонием и такими элементами, как U-236, U-234, U-232»³, что привело к случаям массовых заболеваний раком, причем

¹ Цит. по: NATO/Federal Republic of Yugoslavia: Collateral Damage or Unlawful Killings? Violations of the Laws of War by NATO during Operation Allied Force. Amnesty International Report. 2000. P. 10.

² Цит. по: NATO/Federal Republic of Yugoslavia: Collateral Damage or Unlawful Killings? Violations of the Laws of War by NATO during Operation Allied Force. Amnesty International Report. 2000. P. 10.

³ *Изнатченко И.* Урановая нанопыль засеяла ливийские города // Независимое воен. обозрение. 2011. 3 нояб.

как у жителей бывшей Югославии, так и у многих солдат альянса. Также контингентами НАТО применялись кассетные и осколочные бомбы, наносящие поражения, имеющие неизбирательный характер. Последствия применения оружия с низкообогащенным ураном в Ираке в 1991 и 2003 гг., а также в Югославии в 1999 г. и в Ливии в 2011 г. выглядят весьма печальными — резкий рост онкологических заболеваний, психических расстройств, участвовавшие случаи генетических мутаций¹. Появились даже специальные термины «синдром войны в Заливе» и «балканский синдром».

Европейский парламент неоднократно призывал ввести запрет на оружие с низкообогащенным ураном, однако страны — члены НАТО последовательно отрицали связь между применением данного оружия и онкологическими заболеваниями². Согласно осторожному замечанию фактологического бюллетеня Всемирной организации здравоохранения за 2001 г. «есть вероятность того, что применение оружия с обедненным ураном сказывается на здоровье людей, проживающих в районах конфликтов в Персидском заливе и на Балканах»³. Но, поскольку страны, активно применяющие боеприпасы с обедненным ураном, настаивают на том, что связь между применением подобного оружия и неблагоприятными последствиями неочевидна, его продолжают применять, не неся за это никакой международной ответственности.

Значительные международно-правовые проблемы вызывает также применение боеприпасов, содержащих белый фосфор. Раны от снарядов с белым фосфором схожи с химическим ожогом, не поддаются лечению и вызывают сильные мучения. Согласно Протоколу III к Конвенции о конкретных видах обычного оружия 1980 г. оружие с белым фосфором относится к «зажигательным» вооружениям и не должно применяться в местах сосредоточения гражданского населения, т. е. в окрестностях населенных областей. При этом при ударах по военным целям ограничения не налагаются. Тем не менее, в СМИ бомбы с белым фосфором часто называют «запрещен-

¹ См., напр.: *Hindin R.* Teratogenicity of Depleted Uranium Aerosols: A Review from an Epidemiological Perspective // *Environmental Health*. 2005; *Briner W.* The Toxicity of Depleted Uranium // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2010. Vol. 7. No. 1.

² Parliament calls for a global ban on depleted uranium weapons. European Parliament. 22 May 2008.

³ Фактологический бюллетень Всемирной организации здравоохранения. 2001. № 257. Январь.

ным оружием»¹, не вдаваясь в юридические тонкости того, является ли подобное оружие запрещенным для страны, его применившей. Прежде чем решать вопросы о возможной ответственности государства-нарушителя, необходимо уточнить, когда данное государство подписало Протокол III к Конвенции 1980 г. и подписало ли вообще.

Рассмотрим несколько случаев применения оружия с белым фосфором. Израиль применял снаряды с белым фосфором в ходе первой (1982 г.) и второй (2006 г.) Ливанских войн (при этом Израиль не подписывал Протокол III). Активно применяли подобное оружие «контрас» в Никарагуа в 1980-х гг. (Никарагуа подписали Протокол III лишь в 2000 г.). В 2004 г. США использовали фосфорные бомбы в Ираке (США подписали Протокол III лишь в 2009 г.). Таким образом, призывание данных государств к ответственности на основании нарушения норм Протокола III не представляется возможным.

Кроме того, СМИ иногда называют снаряды с белым фосфором «химическим оружием»², что теоретически могло бы поставить вопрос о нарушении положений Конвенции о химическом оружии 1997 г. Однако при внимательном прочтении данной Конвенции можно увидеть, что белый фосфор не входит ни в один из трех списков, на применение которых Конвенция налагает запрет³. На это и была сделана ставка, в частности США при применении фосфорных бомб в Ираке. Представитель Пентагона полковник Б. Венабл заявил, что, во-первых, бомбы применялись не как химическое, а как зажигательное оружие и, поскольку Протокол III к Конвенции 1980 г. США на тот момент подписан не был, ни о каких обязательствах по неприменению говорить не приходится, а во-вторых, по заверению полковника, «оружие применялось исключительно против комбатантов»⁴.

¹ Пентагон признал использование ядовитого белого фосфора в Ираке // Ньюс.ру. 2005. 16 нояб. URL: <http://www.newsru.com/world/16nov2005/fosfor.html> (дата обращения: 30.04.2022).

² США применяли химическое оружие против жителей Ирака. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/592866/> (дата обращения: 30.04.2022).

³ В список № 1 входят люизит, хлор, сернистый и азотистый иприт, ризин и сакситоксин, а также все отравляющие вещества нервно-паралитического действия; в список № 2 входят химикаты, некоторые из которых являются прекурсорами химикатов списка № 1 и которые рассматриваются как представляющие значительный риск для предмета и целей Конвенции (например, тиодигликоль); в список № 3 входят химикаты, которые могут производиться в коммерческих целях, но не должны применяться в военных целях (например, фосген, триэтаноламин и др.).

⁴ US used white phosphorus in Iraq // BBC News. 16 November 2005. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/middle_east/4440664.stm (дата обращения: 30.04.2022).

В свете появления новых, все более совершенных и смертоносных форм оружия представляется категорически неправильным, когда субъекты международного права уходят от международной ответственности на основании того, что применение отдельных видов вооружений не регулируется международным правом.

Одним из важнейших вопросов в рассматриваемой сфере является вопрос о том, имеют ли вообще частные лица право на возмещение ущерба в случае нарушения международного гуманитарного права. У индивида, пострадавшего в результате нарушения норм международного гуманитарного права государствами или международными организациями, есть два возможных пути. Первый вариант — это обращение в Европейский суд по правам человека. Однако юрисдикция Суда ограничена теми государствами — членами Совета Европы, которые подписали Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Второй вариант — это обращение в национальные суды. Однако и в данном случае удовлетворение истца возможно лишь в том случае, «если в данной правовой системе международное право непосредственно применимо, а соответствующие нормы обладают сами по себе исполнительной силой или если внутреннее законодательство предоставляет им частное право на иск»¹. Строение современной международно-правовой системы таково, что фактически «пострадавшие лица не имеют процессуальной правоспособности в обычных процедурах по урегулированию споров. Однако, по существу, в соответствии с международным правом они процессуально правоспособны»².

Кроме того, исследователи указывают на то, что практика национальных судов знает немало примеров, когда иски индивидов были отклонены на том основании, что иммунитет защищает государство-ответчик от судебного разбирательства в национальных судах или что «соответствующие положения международного гуманитарного права не предоставляют частным лицам статуса, необходимого для отстаивания правовых требований непосредственно в национальных судах, т. е. эти положения сами по себе не обладают исполнительной силой»³.

¹ Сассоли М. Указ. соч. С. 185.

² Там же. С. 185.

³ Гийар Э.-Ж. Указ. соч. С. 276.

В 1999 г. в здание радиотелевизионного центра Сербии попала ракета вооруженных сил НАТО. Родственники работников Белградской телестудии подали жалобу в Европейский суд по правам человека. В 2001 г. в делах «Банкович и другие против Бельгии и других»¹ и «Маркович и другие против Италии»² заявители утверждали, что военная операция НАТО в Югославии «привела к нарушению 17 европейскими государствами — членами НАТО их прав, гарантированных статьями 2 (право на жизнь), 10 (свобода выражения мнения) и 13 (право на эффективное средство правовой защиты) Конвенции 1950 г.»³. Большая Палата Европейского суда по правам человека признала жалобу не отвечающей критериям приемлемости, указав, что связь между жертвами бомбежки и государствами, совершившими ее, неочевидна⁴.

В 2000 г. специальный Комитет при Международном трибунале по бывшей Югославии, уполномоченный прокурором трибунала рассмотреть вопрос натовских бомбардировок в рамках операции «Союзная сила», посоветовал прокурору не начинать официальный процесс по фактам бомбардировок⁵. В 2002 г. Верховный Суд Италии также отклонил иски граждан бывшей Югославии, которые требовали компенсацию за смерть и увечья своих родственников в результате бомбежки телецентра. Суд указал, что не имеет юрисдикции в отношении данного дела⁶.

Бывший судья Европейского суда по правам человека Г. Ресс относит дело Банковича не к вопросам ответственности государства за нарушения норм международного гуманитарного права, а к «от-

¹ Решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 12 декабря 2001 года по вопросам приемлемости для рассмотрения по существу жалобы «Банкович и другие заявители против Бельгии» (жалоба № 52207/99).

² Решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 14 декабря 2006 года по делу «Маркович и другие против Италии» (жалоба № 1398/03).

³ Решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека от 12 декабря 2001 года по вопросам приемлемости для рассмотрения по существу жалобы «Банкович и другие заявители против Бельгии» (жалоба № 52207/99).

⁴ Решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека 12 декабря 2001 года по вопросам приемлемости для рассмотрения по существу жалобы «Банкович и другие заявители против Бельгии» (жалоба № 52207/99).

⁵ *Benvenuti P.* The ICTY Prosecutor and the Review of the NATO Bombing Campaign Against the Federal Republic of Yugoslavia // *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 12. No. 3. P. 503.

⁶ *Frulli M.* When are States Liable Towards Individuals for Serious Violations of Humanitarian Law? The Marković Case // *Journal of International Criminal Justice*. 2003. Vol. 1. P. 406.

ветственности государства за экстерриториальные нарушения прав человека»¹. Связь международного гуманитарного права и права прав человека очевидна — в обеих отраслях бенефициаром является индивид. Как отмечает М. Сассоли, многие нормы международного гуманитарного права формулируются в духе права прав человека как права жертв войны².

Большой резонанс получили решения Европейского суда 2007 г. по жалобам «Бехрами и Бехрами против Франции» и «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии»³ по вопросу поведения военнослужащих, переданных в распоряжение вооруженных сил, ответственных за обеспечение стабильности в Косово под руководством НАТО — Сил для Косово (СДК/KFOR), действовавших в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН 1244. В деле «Бехрами и Бехрами против Франции» истцы утверждали, что именно Франция должна нести международную ответственность, поскольку она не только проголосовала за начало военной операции в Совете НАТО, но и приняла на себя руководство Многонациональными группировками Севера и Востока.

Истец в деле «Сарамати против Франции, Германии и Норвегии» объяснял логику выбора конкретных стран — членов НАТО, против которых подавалась жалоба, тем, что он был арестован по приказу норвежского командира, содержался под стражей по приказу французского командира, а затем в его дело вмешался немецкий офицер.

Ситуация осложнялась тем, что международные силы KFOR, как уже указывалось выше, были созданы в соответствии с Резолюцией Совета Безопасности ООН 1244, в которой содержался мандат на демилитаризацию Освободительной армии Косово и вооруженных групп косовских албанцев, создание условий безопасности для беженцев и перемещенных лиц, осуществление надзора за разминированием и т. д.⁴ По сути, ответственность KFOR — это в том

¹ *Ресс Г.* Ответственность государства за экстерриториальные нарушения прав человека. Дело Банкович // Бюл. Европейского суда по правам человека. 2006. № 2.

² *Сассоли М.* Указ. соч. С. 185.

³ European Court of Human Rights. Decision (Grand Chamber) of 2 May 2007 on the admissibility of applications No. 71412/01 and No. 78166/01.

⁴ *Казаков С.П., Холиков И.В.* Этюдные заметки к работе по выполнению миротворческой миссии в югославском крае Косово и Метохия (2001—2002 гг.) // Вестн. Акад. воен. наук. 2006. № 3. С. 159—165.

числе и ответственность ООН. Именно поэтому Европейский суд по правам человека постановил, что действия солдат должны быть присвоены не соответствующим государствам и не НАТО, а Организации Объединенных Наций. Однако суд при этом отметил, что «Организация Объединенных Наций есть межгосударственная международная организация, имеющая обособленную правосубъектность».

Кроме того, было указано на недопустимость контроля Европейского суда в вопросах, регулируемых резолюциями Совета Безопасности, поскольку это означало бы вмешательство в исполнение основной миссии ООН по поддержанию международного мира и безопасности. В делах «Галич и Благоевич против Нидерландов» 2009 г. Суд также резюмировал, что «не обладает юрисдикцией для рассмотрения жалоб против ООН»¹.

Общее число жертв среди мирного населения по итогам операции НАТО в Ливии с трудом поддается точной оценке. По мнению некоторых исследователей, «в период с начала операции до конца мая 2011 года в результате авиаударов НАТО по территории Ливии погибли 718 и были ранены 4 067 человек»². На фоне этого заявление НАТО о том, что ожидалось «нулевое количество жертв»³ выглядит весьма сомнительно. Сами офицеры военных контингентов НАТО понимали, что занимаются в Ливии далеко не миротворчеством. Так, информационное агентство NSNBC транслировало слова офицера НАТО, что с ростом жертв среди мирного населения растет и беспокойство большинства командиров НАТО за возможную персональную ответственность в будущем согласно Нюрнбергским принципам⁴.

Сотрудники центра Civilians in Conflicts отмечали, что авиация НАТО «бомбила больницы, жилые дома, зернохранилища, завод по производству кислорода для больных, поджигала финиковые плантации — все эти объекты нельзя назвать военными, а постоянно

¹ Решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека «Галич против Нидерландов» (жалоба № 22617/07) и «Благоевич против Нидерландов» (жалоба № 49032/07) от 9 июня 2009 г.

² Жертвы натовских бомбардировок в Ливии // Зарубеж. воен. обозрение. 2012. № 1. С. 106.

³ Davis I. The UN Human Rights Council's report on civilian casualties in Libya // NATO Watch. Briefing Paper No. 21. 21 March 2012. URL: <http://ru.scribd.com/doc/130095019/NATO-Watch-Briefing-Paper-No-21-UN-Human-Rights-Council-Report-on-Libya> (дата обращения: 30.04.2022).

⁴ Григорьев А. Военные НАТО боятся Нюрнбергского Суда за Ливию // Аргументы.ру. 30 сентября 2011. URL: <http://argumentiru.com/world/2011/09/127361?type=all> (дата обращения: 30.04.2022).

списывать их на некие "ошибки" и "непроверенные данные", как это любит делать командование Североатлантического альянса, кощунственно и, по меньшей мере, бессмысленно»¹.

В период операции в Ливии силы НАТО применяли оружие с обедненным ураном, а также термобарические бомбы с усиленным воздействием. В Ливии также применялись вакуумные бомбы Fuel Air Explosive/FAE, выжигающие кислород на несколько километров вокруг², и бомбы с белым фосфором³.

У рассмотренных выше операций НАТО наблюдается ряд особенностей, которые позволяют сделать выводы об общем «стиле» миротворческой деятельности альянса:

— правовая база для вмешательства либо отсутствует вовсе, либо мандат на проведение операции существенно превышает (например, начав с контроля над эмбарго или с обеспечения бесполетной зоны в результате полностью уничтожается весь военный потенциал страны);

— тотальное разрушение инфраструктуры государства, где проводится операция;

— либо отношение к жертвам среди мирного населения как к неизбежным издержкам, либо же полное отрицание факта наличия жертв;

— применение запрещенного и «негуманного»⁴ вооружения;

— откровенная предвзятость и поддержка одной из сторон конфликта; поддержка смены политической власти неконституционным путем.

Таким образом, можно констатировать, что «возмещение ущерба частным лицам, пострадавшим от нарушений международного гуманитарного права, в обозримом будущем, вероятно, будет произ-

¹ Non-Binding Guidelines for Payments in Combat-Related Cases of Civilian Casualties or Damage to Civilian Property. NATO 20 September 2010. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_65114.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 30.04.2022).

² Libye — l'OTAN utilise une bombe FAE. 18.10.2011. URL: <http://www.algeria-isp.com/actualites/politique-libye/201110-A6546/libye-otan-utilise-une-bombe-fae-fuel-air-explosive-surnommee-bombe-atomique-pauvre-bani-walid-octobre-2011.html> (дата обращения: 30.04.2022).

³ Libye — Les avions de l'otan bombardent Bani Walid avec des bombes au phosphore blanc. 18 octobre 2011. URL: http://www.alterinfo.net/notes/Libye-Les-avions-de-l-otan-bombardent-Bani-walid-avec-des-bombes-au-phosphore-blanc-18-octobre-2011_b3362976.html (дата обращения: 30.04.2022).

⁴ Данный термин при обозначении оружия использован, например, в статье: Орлов Д. Международные конвенции, запрещающие применение конкретных видов обычного оружия // Зарубеж. воен. обозрение. 2013. № 6. С. 44—46.

водиться произвольно, в зависимости от конкретного конфликта»¹. При современном состоянии международно-правовой системы наиболее вероятная возможность индивида получить компенсацию в случае, если его права нарушены, — это альтернативные и фактически «внеправовые» формы урегулирования отношений между государством-агрессором и гражданами, пострадавшими в результате военных конфликтов, так называемые «платежи *ex gratia*»². Это специальные выплаты, которые осуществляются государством или организацией-правонарушителем добровольно, с целью уменьшить негативное отношение со стороны мирных граждан пострадавшего государства, а также снизить градус напряженности в двусторонних отношениях. Важно отметить, что подобные выплаты не сопровождаются признанием государством или организацией собственной вины, гарантиями неповторения и т. д., осуществляются без какого-либо внешнего контролирующего органа и являются исключительно «жестом доброй воли». При этом граждане пострадавшего государства, равно как и само государство, в случае согласия принять платежи *ex gratia* не имеют никаких рычагов влияния на размеры подобных выплат.

Поскольку платежи *ex gratia*, осуществляемые государствами, позволяют им фактически уклоняться от международной ответственности, это привело к тому, что международные организации также стали активно использовать данный формат работы с жертвами военных конфликтов. Комиссия международного права ООН полагает, что «тот факт, что международные организации иногда предоставляют компенсацию *ex gratia*, объясняется не обилием ресурсов, а скорее тем, что организации, как и государства, неохотно идут на признание своей собственной международной ответственности»³. 20 сентября 2010 г. НАТО приняло документ под названием «Необязательные принципы выплат жертвам среди гражданского населения в период военных действий, а также жертвам нанесенного ущерба гражданской собственности». Как следует из названия, данные выплаты осуществляются исключи-

¹ Гийар Э.-К. Указ. соч. С. 292.

² Подробнее о платежах *ex gratia* см.: Сазонова К.Л. Выплаты *ex gratia* для жертв вооруженных конфликтов и право международной ответственности // *Lex russica*. 2015. Т. 108. № 11. С. 104—109.

³ Доклад Комиссии международного права ООН. 2011. С. 144.

тельно *ex gratia*. Основанием для подобных выплат служит расследование обстоятельств конкретных дел, проводимое самими государствами — членами НАТО. Самым показательным из девяти принятых принципов подобных выплат является последний: «Выплаты и помощь осуществляются без отсылки к вопросу юридической ответственности». Таким образом, сам альянс признает, что к международной ответственности данный формат выплат никакого отношения не имеет, так как назначается не органом международного правосудия, а самой организацией по собственной инициативе. Безусловно, для пострадавшего гражданского населения это лучше, чем ничего, однако надо понимать, что к праву международной ответственности подобные платежи имеют весьма опосредованное отношение.

Представляется, что изменение подходов к международной ответственности как государств, так и международных организаций «требует значительных изменений парадигмы современного международного права и международных отношений, которое должно сопровождаться усилением роли международных организаций, прежде всего Организации Объединенных Наций, повышением взаимодействия специалистов в области международного права из разных стран, выработкой новых подходов к проблеме международно-правовой ответственности»¹.

Практика свидетельствует о том, что обычно страны — члены НАТО осуществляют выплаты, только когда именно их контингенты нанесли ущерб. В то же время иногда «другие менее строги и выплачивают компенсацию, даже если ущерб был нанесен не ее контингентами»². Суммы компенсаций за смертельные случаи среди гражданского населения существенно варьируются от случая к случаю, в зависимости от конкретного решения той страны, которая осуществляет выплату (так называемый *case-by-case basis*), и в итоге колеблются от 200 долл. до 7 тыс. долл.³ У некоторых стран установ-

¹ Сазонова К.Л. Институт ответственности государств за применение силы: современное состояние и перспективы развития // NB: Вопросы права и политики. 2012. № 3. С. 78—91.

² Rogers C. Addressing Civilian Harm in Afghanistan: Policies & Practices of International Forces. Center for Civilians in Conflict, 2010. P. 3.

³ Monetary Payments for Civilian Harm in International and National Practice // Center for civilians in conflict, Amsterdam International Law Clinic, 2013. URL: http://civiliansinconflict.org/uploads/files/publications/Valuation_Final_Oct_2013pdf.pdf (дата обращения: 30.04.2022).

лены фиксированные суммы подобных «выплат соболезнования». Например, правительство Канады установило максимальный размер выплачиваемой суммы для гражданского населения в 1 960 долл.¹ Министерство обороны США установило следующие выплаты для граждан Афганистана: 2 тыс. долл. за смерть, 400 долл. — за серьезное увечье, 200 долл. — за легкое ранение².

Можно констатировать, что платежи *ex gratia* стали фактической альтернативой международной ответственности, на кодификацию которой Комиссией международного права ООН было потрачено более полувека. По сути, складывается ситуация «замкнутого круга», когда из-за недостаточно отработанного механизма реализации международной ответственности пострадавшее гражданское население выбирает хоть какую-то компенсацию, которую ему сознательно предлагает виновное государство. Именно поэтому представляется чрезвычайно важным привлечь внимание как представителей академической среды, так и широкой общественности к проблематике платежей *ex gratia*, которые представляют собой весьма опасную практику, препятствующую прогрессивному развитию международного права, в особенности тематики, связанной с международной ответственностью.

Возвращаясь к тематике многолетнего конфликта на востоке Украины, можно констатировать, что Вооруженные силы Украины, будучи в значительной мере подготовленными инструкторами НАТО, нередко действуют по вышеописанным нами паттернам, применяя оружие неизбирательного действия при нанесении ударов по населенным пунктам, пытаясь проводить диверсии на ядерных и химических объектах, а также использовать присутствие или перемещение гражданского населения в военных целях.

После проведения Российской Федерацией специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины правоохранительным органам предстоит дать развернутую, подкрепленную неопровержимыми доказательствами характеристику действий официального Киева и их оценку. Масштаб и цинизм этих преступлений, осуществляемых на фоне беспрецедентной

¹ Addressing Civilian Harm in Afghanistan: Policies & Practices of International Forces. Center for Civilians in Conflict. 2010. P. 10.

² URL: https://civiliansinconflict.org/wp-content/uploads/2017/10/Addressing_civilian_harm_white_paper_2010.pdf (дата обращения: 30.04.2022).

по размаху информационной и экономической агрессии Запада в отношении Российской Федерации, очевиден. Данные обстоятельства позволят в перспективе ставить вопрос об ответственности за нарушения норм международного гуманитарного права не только Украины, но и других западных стран и НАТО, оказывающих военную помощь киевскому режиму и таким образом де-факто выступающих на стороне данных нарушений.